

А. Богданов

**Материалы для антропологии курганного
периода в московской губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Богданов**
Материалы для антропологии курганного периода в московской губернии / А. Богданов – М.: Книга по Требованию, 2015. –
184 с.

ISBN 978-5-518-02451-9

ISBN 978-5-518-02451-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

АНТРОПОЛОГИИ КУРГАННАГО ПЕРІОДА

ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

АНАТОЛІЯ БОГДАНОВА

ЧЛЕНА-ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

МОСКВА

1867.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ АНТРОПОЛОГИИ КУРГАННАГО ПЕРІОДА

ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предлагаемое сочиненіе вызвано желаніемъ изучить, хотя отчасти, народонаселеніе средней Россіи съ антропологической точки зрѣнія и въ двухъ его фазахъ: въ самую древнѣйшую эпоху заселенія Московской и прилегающихъ къ ней губерній, въ такъ называемый курганный періодъ, и въ самую ближайшую, т. е. въ наше время. Матеріаломъ для этого послужили, какъ коллекціи Общества Любителей Естествознанія, составляемыя имъ для краниологическаго собранія Московскаго Университета, такъ и моя собственная, довольно значительная курганная коллекція, имѣющая также войти вскорѣ въ составъ Университетскаго собранія. Особенно благоприятныя условія, представляемыя Русскою этнографическою выставкою въ Москвѣ въ 1867 году, а также та усиленная энергія, которую Общество прилагало въ продолженіи трехлѣтняго своего существованія къ собиранію краниологическаго матеріала, сдѣлали возможнымъ осуществленіе въ столь короткое время такой коллекціи, которая могла уже дать достаточно полный матеріалъ для серьезной обработки нѣкоторыхъ, нелишенныхъ значенія и интереса, антропологическихъ вопросовъ. Такъ какъ мнѣ удалось въ свою очередь оказать нѣкоторое содѣйствіе Обществу по устройству его коллекціи, то оно вознаградило меня за это тѣмъ, что предоставило мнѣ полное право пользоваться при своихъ изслѣдованіяхъ этою коллекціею. Это право, въ соединеніи съ значительнымъ по интересу матеріаломъ, и обусловило возможность появленія опыта антропологическаго изслѣдованія населенія средней Россіи, и преимущественно Московской губерніи.

«*Антропологическіе матеріалы*», по принятому мною плану, должны составить двѣ части, изъ коихъ первая будетъ посвящена *Матеріаламъ для курганнаго періода Московской губерніи*. Эта часть должна распасться на три отдѣла: первый будетъ заключать частныя данныя раскопокъ, т. е. систематическое изложеніе фактовъ, полученныхъ изъ изученія раскопокъ въ каждомъ уѣздѣ и разсматриваемыхъ отдѣльно въ каждой мѣстности. Второй отдѣлъ будетъ представлять попытку сравнительнаго изученія строенія и его особенностей у всѣхъ представителей курганнаго племени во всей Московской губерніи, какъ взятой отдѣльно въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и сравнительно съ тѣми, къ сожалѣнію немногими данными, которыя мы имѣемъ относительно курганныхъ жителей подмосковныхъ губерній. Въ заключеніи этого отдѣла я коснусь, на сколько это возможно, и вопроса объ отношеніи курганнаго племени къ финскимъ племенамъ. Наконецъ третій отдѣлъ будетъ посвященъ изученію тѣхъ археологическихъ предметовъ, которые найдены въ курганахъ и даютъ понятіе объ условіяхъ жизни курганнаго періода. Такъ какъ основательное изученіе матеріаловъ этого отдѣла выходитъ изъ моей спеціальности, то я долженъ былъ бы отказать въ видѣтѣ свой трудъ дополненнымъ подробнымъ изученіемъ сдѣланныхъ мною археологическихъ находокъ въ курганахъ. Но къ счастью я получилъ въ этомъ случаѣ обѣщаніе содѣйствія слѣдующихъ специалистовъ: М. Я. Биттары не отказался просмотрѣть и изучить кожи и ткани, П. А. Григорьевъ принялъ на себя не легкую задачу подвергнуть химическому анализу найден-

ныя металлическія и стеклянныя вещи; И. Б. Ауэрбахъ разсмотрѣлъ бусины и другія украшенія съ минералогической точки зрѣнія: Н. Н. Бауманнъ согласился опредѣлить тѣ куски дерева, которые находимы были въ курганахъ. Наконецъ И. Д. Бѣляевъ принялъ на себя общую обработку археологической коллекціи. Содѣйствіе такихъ специалистовъ сдѣлаетъ несомнѣнно изъ этого отдѣла собраніе многихъ интересныхъ и новыхъ фактовъ. На мою долю придется въ этомъ отдѣлѣ просмотрѣть только кости животныхъ, найденныхъ въ курганахъ.

Вторая часть этого сочиненія представитъ *«Материалы для антропологии Русскихъ»*. Она должна въ свою очередь подраздѣляться на слѣдующіе отдѣлы: отдѣлъ *первый* — изученіе краниологіи русскихъ череповъ. Материаломъ для этого послужитъ, какъ коллекція составленная подъ руководствомъ И. М. Соколова въ здѣшнемъ анатомическомъ театрѣ, такъ и болѣе многочисленная коллекція череповъ московскихъ жителей прошлаго столѣтія. Дополненіемъ и повѣркою будетъ второй отдѣлъ, касающійся измѣреній надъ живыми русскими различныхъ возрастовъ, произведенныхъ А. П. Федченко и В. Ф. Ошанинымъ. Благодаря А. И. Клементовскому я имѣю, кромѣ того, значительное число (болѣе 1000) измѣреній надъ младенцами воспитательнаго дома. В. И. Кохъ передалъ мнѣ также матеріалъ, собранный въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Университетской Клиникѣ. Всѣ эти данныя, по своей численности и значенію, могутъ сдѣлать этотъ отдѣлъ очень интереснымъ. Наконецъ третій отдѣлъ будетъ касаться физиогноміи русскихъ. Въ объясненіе этого отдѣла можетъ служить издаваемый при Обществѣ Любителей Естествознанія, по просвѣщенной инициативѣ Н. М. Аласина, русскій этнографическій альбомъ, заключающій въ себѣ значительное число великолѣпныхъ фотографій наиболѣе характеристическихъ лицъ несомнѣнно русскаго происхожденія.

Такова общая программа того сборника матеріаловъ, начало котораго я теперь представляю на судъ публики. Я бы просилъ только читателей усвоить себѣ, при оцѣнкѣ моего труда, ту точку зрѣнія, съ которой я исключительно смотрѣлъ на него, т. е. видѣть въ немъ не болѣе какъ попытку собрать нѣсколько интересныхъ матеріаловъ, такъ какъ при бѣдности имѣющихся въ литературѣ предварительныхъ изслѣдованій по затронуемымъ мною вопросамъ, а всего болѣе по новизнѣ этого дѣла для меня самаго — я не желалъ, да и не могъ имѣть въ виду чего либо законченнаго, монографическаго. Хотя работы по этому сочиненію и потребовали около трехъ лѣтъ постоянныхъ усилій, но результаты далеко не соответствуютъ употребленному труду между прочимъ и потому, что много сначала шло его на предварительную подготовку необходимыхъ пособій.

Нуженъ былъ трудъ на собраніе матеріала, на ознакомленіе съ техникой, а часто, кромѣ того, на устраненіе чисто внѣшнихъ препятствій, протекавшихъ отъ того, что антропологическія занятія были новизною для многихъ, отъ которыхъ зависѣло полученіе самаго матеріала, и потому они смотрѣли на дѣлаемыя усилія, какъ на предметъ не стоящій вниманія. Отъ этого происходили задержки, трата времени, и все это конечно не могло не отразиться и на самомъ результатѣ. Я не могъ ничего собрать кромѣ матеріаловъ, и потому на данныя этого сочиненія справедливость требуетъ смотрѣть только съ этой точки зрѣнія.

Я назвалъ свое сочиненіе *«Антропологическими матеріалами»*, а не этнологическими или этнографическими, какъ можетъ быть многимъ казалось бы болѣе естественнымъ назвать ихъ. Я стою, однако же, за слово антропологическій, потому что вижу въ немъ существенное значеніе. Чтобы уяснить мою точку зрѣнія въ этомъ отношеніи, я позволю себѣ здѣсь остановиться нѣсколько на отношеніи антропологии къ этнографіи.

Споръ о взаимномъ отношеніи антропологии и этнографіи возникъ въ Лондонѣ по поводу отдѣленія нѣкоторыхъ членовъ Этнологическаго общества въ новоучрежденное Антропологическое, а также и по поводу желанія заявленнаго английскими антропологами въ British Association устроить отдѣльную секцію антропологии. Во время этого спора, между прочими мнѣніями, высказаны были и два слѣдующія крайнія: одни утверждали что этнографія и антропология одно и то же, одна наука, имѣющая только два названія, изъ которыхъ одно употребительно въ однихъ странахъ, другое въ другихъ (*). Германія усвоила себѣ терминъ «Антропология», какъ употребляемый Блюменбахомъ и другими писателями. Англія, слѣдуя примѣру Франціи, въ которой въ 1839 году возникло Этнологическое общество, усвоила себѣ терминъ «этнологическій». До сихъ поръ названіе антрополога и этнолога присвоивалось одинаково во всѣхъ странахъ писателямъ изучавшимъ племена человѣческія, и слѣдовательно эти терминны синонимны. Если можно допустить между ними какое либо различіе, то это только въ пользу этнологіи, какъ науки обнимающей собою, какъ естественно-историческое изученіе

(*). Ethnology and Anthropology: are they distinct sciences, or one and the same science under different names? The Ethnological Journal, July 1865 № 1. стр. 1. Тамъ же № 3 (September) — стр. 141 статья подъ тѣмъ же заглавіемъ «Ethnology and Anthropology», служащая дополненіемъ первой. Въ этой послѣдней статьѣ особенно характеристичны по своей силѣ и вѣрности слѣдующія выраженія: «As to any real distinction between anthropology and Ethnology, we emphatically assert that there is none, and can be none. «и далѣе» The scientific study of race as a branch of Anthropology is a simple absurdity.»

человѣка, такъ и историческое, археологическое, лингвистическое, бытовое; или другими словами: если что можно еще допустить, такъ это то, что естественнoисторическое изученіе есть только часть, и притомъ не одна изъ болѣе важныхъ, этнологіи. Въ введеніи термина «Антропологія» нѣтъ надобности, оно бесполезно для науки, оно есть результатъ желанія нѣкоторыхъ дѣятелей старому матеріалу придать новую форму и тѣмъ увеличить свои усилія, представляя ихъ какъ будто введеніемъ новой отрасли знанія, новой науки.

Другое крайнее мнѣніе, повидимому и противорѣчащее первому (хотя преимущественно въ томъ отношеніи, что приписываемое въ первомъ этнологіи отожествляется главнымъ образомъ на долю антропологіи) въ сущности довольно близко съ первымъ. Оно принадлежитъ Президенту Лондонскаго антропологическаго общества Джемсу Гѣнту (Hunt) (*), опредѣляющему антропологію какъ науку о всей совокупности природы челоѣка, или лучше сказать—сущности челоѣка. «Біологія, анатомія, химія, физиологія и философія природы должны доставлять антропологу матеріалъ для его выводовъ. Такъ какъ этнологія изслѣдуетъ исторію племенъ, или есть наука о народахъ или расахъ, то задача антропологіи изслѣдовать происхожденіе и развитіе челоѣчества. Такъ какъ этнографія описываетъ современное положеніе и культуру различныхъ племенъ, то на долю антропологіи отойдетъ изученіе ихъ географическаго распространенія». «Очевидно, что изслѣдовать происхожденіе всего челоѣчества нельзя безъ предварительнаго изслѣдованія племенъ, и первое есть только вѣнецъ предыдущаго, то отсюда выходитъ, что этнологія есть только предварительная антропологическая работа. Занимаясь географическимъ размѣщеніемъ племенъ нельзя обойтись безъ данныхъ этнографическихъ, въ которыхъ по большей части необъяснимо ихъ географическое размѣщеніе». Слѣдовательно, съ точки зрѣнія доктора Гѣнта всѣ сказанныя науки являются болѣе или менѣе данными антропологіи, берущей изъ нихъ наиболѣе существенное и пригодное и признающей у нихъ на столько самостоятельности, на сколько это нужно для чернорабочаго собранія матеріаловъ. Вотъ почему можно считать два высказанныя мнѣнія вовсе непротиворѣчащими другъ другу въ сущности, а противорѣчащими только въ томъ: кому преобладать и кому вершить

(*) «On the study of Anthrology» Anthrological Review, May 1863 № 1. стр. 2 и 11; особенно замѣчательно: «Anthrology is the science of the whole nature of Man.»—«It is our (т. е. антропологовъ) business to investigate the laws regulating the distribution of mankind.»—«We look upon Anthrology as the Science of Mankind.»

зданіе науки о челоѣкѣ — антропологіи ли или этнографіи.

Вопросъ о господствѣ той или другой науки есть вопросъ праздный и стоящій ниже достоинства науки. Наука та преобладаетъ, да и то только въ томъ смыслѣ, что приноситъ больше пользы и становится болѣе необходимою, которая больше сдѣлала въ кругу своей спеціальности, а не та, которой несчастливо случилось оторвать много кусковъ у другихъ наукъ. Чтобы быть наукою, какъ и вообще чтобы быть чѣмъ-нибудь, нужно имѣть свой самостоятельный кругъ дѣйствія, имѣть рѣзко выраженный, опредѣленный кругъ вліанія, и вліять своими особыми средствами и методами. При нынѣшнемъ тѣсномъ сближеніи всѣхъ наукъ—возможно, полезно, и часто необходимо, брать для полнаго уясненія данныхъ одной науки—факты и выводы другой; но нельзя установить прочно науки изъ сбора фактовъ и выводовъ другихъ наукъ. Слѣдовательно, вопросъ о значеніи антропологіи обуславливается другимъ: какое особенное содержаніе можетъ имѣть эта наука, внѣ уже признанныхъ другихъ? Имѣетъ ли она свои особенныя методы? Дополняетъ ли она своими изслѣдованіями пробѣлъ въ нашемъ знаніи? Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ уясненію этихъ вопросовъ, остановимся еще на нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ содержанія антропологіи, и прежде всего на взглядѣ Брокъ, секретаря Парижскаго антропологическаго общества.

Брокъ суммировалъ свой взглядъ на антропологію въ отчетѣ о дѣятельности Парижскаго Общества, читанномъ въ первомъ торжественномъ засѣданіи Общества 4 іюня 1863 (*). Бюшонъ положилъ, говоритъ Брокъ (**), основанія Естественной исторіи челоѣка и этнографіи или описанію народовъ. Блюменбахъ положилъ основаніе этнологіи или наукъ о расахъ челоѣческихъ. Съ допущеніемъ существованія расъ и нахожденіемъ ихъ—открылось громадное поле изслѣдованіямъ ученыхъ. Нельзя было ограничиться только дополненіемъ или исправленіемъ классификаціи и описаній Блюменбаха, но нужно было изыскать происхожденіе постоянныхъ разновидностей и наследственныхъ типовъ; указать свойства, столь различныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь послѣдовательныя, совокупность которыхъ составляетъ расу. Для этого необходимо было сначала изучить вліаніе внѣшнихъ условій на организацию челоѣка, показать какое дѣйствіе оказываетъ питаніе, образъ жизни, воспитаніе физическое и умственное, индивидуальное и общественное. Нужно было доскаться: до какой степени эти различныя причины мо-

(*) «Histoire des travaux de la société d'anthropologie» (1859—1863) въ Mémoires de la société d'anthropologie de Paris, vol. II. Premier fascicule стр. XIII.

(**) Стр IX.

гутъ видовзмѣнить особь и расу, и до какихъ границъ законы наследственности и атавизма могутъ удерживать эти видовзмѣненія. Затѣмъ слѣдовало опредѣлить филіацію народовъ, найти слѣды ихъ перемѣщеній, ихъ скрещиваній, изучить памятники этихъ народовъ, ихъ исторію ихъ преданія, ихъ религію, и прослѣдить по нимъ жизнь народа во всю его исторію до самой колыбели. Вотъ совершенно новые вопросы, до того времени непоставленные даже въ наукѣ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ требуется одновременное участіе зоологій, анатоміи, физиологій, гигиены, этнологіи, исторіи, археологій, лингвистики и палеонтологій, и совокупныя изслѣдованія всѣхъ этихъ наукъ должны привести къ тому, чтобы образовать науку о человѣкѣ или антропологію. Хотя Брокъ приводитъ это только для уясненія того, что завѣщалъ XVIII вѣкъ послѣ трудовъ Бюффона и Блюменбаха нашему вѣку, но изъ его словъ вытекаетъ его взглядъ на антропологію и получается опредѣленіе ея, тѣмъ болѣе, что осуществленіе этой программы онъ желаетъ, какъ это видно далѣе, Парижскому антропологическому обществу. Объясняя затѣмъ цѣль парижскаго этнологическаго общества, онъ указываетъ, что изученіе организаціи человѣческихъ племенъ, ихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ, ихъ языка и историческихъ преданій, составляетъ задачу этнологіи, но не полную программу антропологій или науки о человѣкѣ. Описывать и классифицировать современные расы, указывать ихъ сходства и различія, изучать способности и нравы, опредѣлять сродство ихъ по языку и крови: все это безъ сомнѣнія большая доля поприща антропологій, но у нея есть еще нѣчто болѣе существенное, вопросы болѣе высокіе и общіе. Всѣ расы, не смотря на свое различіе, составляютъ одно великое цѣлое, одну гармоническую и послѣдовательную въ своихъ членахъ группу, и потому требуется опредѣлять ея положеніе въ ряду существъ, ея соотношенія съ другими группами природы, ея общія свойства, какъ съ точки зрѣнія анатомической и физиологической, такъ умственной и нравственной. Нужно изучить вліяніе внѣшнихъ условій, наследственности и скрещиванія. Наконецъ, поднимаясь еще выше, мы встречаемся съ вопросомъ о первобытныхъ судьбахъ человѣка, о его доисторической жизни, и слѣдимъ за послѣдовательнымъ развитіемъ его, за его медленными и трудными побѣдами надъ окружающимъ его міромъ, за тѣмъ, какъ онъ изъ безоружнаго существа становится царемъ творенія. Это все задачи антропологическія, и потому этнологія есть только часть науки о человѣкѣ; другая часть есть общая антропологія. Въ нынѣшнее время этнологія и общая антропологія составляютъ одну, самую благородную (*la plus noble de toutes*) изъ наукъ, такъ какъ она имѣетъ своимъ предметомъ человѣка, разсматриваемаго какъ по отношенію къ

самому себѣ, такъ и въ его соотношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ. Съ этой точки зрѣнія Брокъ этнологія и этнографія являются частію антропологій.

Оскаръ Шмидтъ (*) тоже опредѣляетъ антропологію, какъ науку о человѣкѣ: ея содержаніе есть познаніе человѣка. Это познаніе въ частности представляетъ слѣдующія главныя стороны: антропологія должна уловить соотношеніе жизни человѣка съ жизнью вселенной; она должна, какъ наука о человѣкѣ, уяснить то, что человѣка дѣлаетъ человекомъ, и притомъ какъ со стороны организаціи (соматологія), такъ и со стороны духовной жизни (психологія). Она должна прослѣдить человѣка, какъ въ моменты его развитія, такъ и въ извѣстныхъ установившихся формахъ, и притомъ она должна показать оба эти состоянія, какъ относительно отдѣльнаго человѣка, такъ и всей совокупности рода человѣческаго, какъ цѣльнаго организма. Прослѣдить на поприщѣ исторіи развитіе народовъ, какъ частей этого организма, составляетъ также задачу антропологій, такъ какъ ни одного человѣка нельзя узнать, не узнавши народъ къ которому онъ принадлежитъ, время въ которое онъ жилъ, и условія окружавшія его. Но человѣкъ стоитъ также въ связи съ общимъ организмомъ земли, съ физическими условіями окружающими его, поэтому и отношенія его къ этимъ условіямъ, вліяніе ихъ на образованіе расъ, и соединеніе этихъ послѣднихъ въ народы—есть задача антропологій. Наконецъ антропологія должна изучить сущность индивидуальности: «*Das Wesen der Individualität zu unterzuchen und zu zeigen, wie sich der grundton der Gattung und der Species in millionenfachen individuellen Variationen verwirklicht und kund gibt.*»

Отъ этихъ широкихъ опредѣленій антропологій перейдемъ къ самому узкому, именно къ опредѣленію Латама (**). Человѣкъ, по его мнѣнію, составляетъ предметъ какъ естественной исторіи, такъ и общей, и именно: «*Man as an animal*» есть предметъ естественной исторіи, «*Man as a moral being*» предметъ общей исторіи. Какъ общая исторія человѣка, такъ и естественная, имѣютъ свои подраздѣленія, и послѣдняя дѣлится: во первыхъ, на антропологію, задача которой есть опредѣленіе отношенія человѣка къ животному міру—«*Anthropology deals with Man as compared with the lower animals*», и во вторыхъ на этнологію, науку о племенахъ—«*Ethology deals with Man in respect to his varietis*». Отсюда выходитъ, что на долю антропологій относится одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ вопросовъ, вопросъ, который если бы и былъ совершенно выключенъ изъ антропологій, то она мало потеряла бы отъ того. Этнографія является у Латама преобладающею частію есте-

(*) Die anthropologie Dresden 1865. стр. 1—8.

(**) Latham, Man and his Migrations стр. 4, 5, 7.

ственной исторіи человѣка, но эта исторія имѣетъ незавидную долю, такъ какъ Латамъ принимаетъ, что главное основаніе для классификаціи племенъ должна быть лингвистика. Если лингвистика должна быть исходною точкою, руководною нитью, въ естественной исторіи человѣка, то тогда всѣ естественно-историческія данныя получаютъ второстепенное значеніе, являются только придаткомъ, почти что украшеніемъ. Если принять это въ соображеніе, а также и то, что этнографы никогда и прежде не изгоняли изъ своихъ сочиненій естественно-историческія данныя, съ условіемъ только, чтобы они не занимали первое мѣсто, то мы увидимъ, что въ концѣ концовъ съ точки зрѣнія Латама этнографія является тѣмъ же, чѣмъ ее представляетъ и Лондонскій этнологическій журналъ, т. е. наукою дѣлающею совершенно излишнимъ явленіемъ существованіе антропологии.

Въ сочиненіи Вайца (*) мы находимъ, во-первыхъ, указаніе на то, что антропология есть наука опытная и должна быть изслѣдуема тѣмъ же методомъ, какъ изслѣдуются и другіе естественные предметы. «Die Anthropologie als Erfahrungswissenschaft aufzufassen ist», а потому ее нужно «auf demselben Wege zu untersuchen, welcher für die Erforschung aller übrigen Naturgegenstände betreten zu werden pflegte». Но даѣе, въ развитіи отношеній антропологии къ культурѣ и въ самой программѣ своего сочиненія, онъ вводитъ въ задачу антропологии новую сторону — всестороннее изученіе первобытныхъ народовъ, которыхъ онъ описываетъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) этнографическій очеркъ (племена), 2) психическія особенности, 3) древности, 4) культура, т. е. у него при описаніи первобытныхъ народовъ встрѣчаются и такія рубрики, которыя лежатъ внѣ области естественно-историческаго знанія. Вообще взгляды Вайца на антропологию таковы: онъ относитъ къ ней во 1) всю естественно-историческую часть знаній о человѣкѣ и его племенахъ, и во 2) полное описаніе жизни первобытныхъ народовъ, т. е. такихъ, которые или еще не появлялись съ своей исторіей, или, у появившихся уже на ней, онъ относитъ къ антропологии доисторическое время ихъ существованія.

Итакъ, это обзорѣніе наиболѣе замѣчательныхъ опредѣленій антропологии приводитъ насъ къ слѣдующему: этнографія и антропология синонимы, и притомъ послѣдній терминъ лишній (Ethological Journal). 2) Антропология наука о всей природѣ человѣка, наука о челоѣчествѣ (Гентъ). Этнологія только часть ея. 3) Антропология, наука о челоѣчкѣ, раздѣляется — на этнологію, науку о племенахъ, и общую антропологию. (Брокъ). 4) Антропология есть наука о челоѣчкѣ, разсматриваемомъ со всевозможныхъ точекъ

зрѣнія (Шнидтъ). 5) Антропология имѣетъ предметомъ изученіе естественно-историческое челоѣка и полное первобытныхъ племенъ (Вайцъ). 6) Антропология изслѣдуетъ отношенія челоѣка съ животнымъ царствомъ, этнографія изслѣдуетъ племена (Латамъ). — Что касается до меня, то я смотрѣлъ на содержаніе антропологии нѣсколько иначе и съ другой точки зрѣнія, удержать которую и провести въ жизнь мнѣ кажется дѣломъ очень важнымъ, какъ для успѣха антропологии у насъ въ Россіи, такъ и во избѣжаніе споровъ, часто бесплодныхъ, о томъ что принадлежитъ этой наукѣ и что этнографіи.

Всѣ предыдущія опредѣленія (кромя Вайца) взяты съ точки зрѣнія содержанія предмета; я разграничиваю предметъ антропологии также и съ точки зрѣнія метода его изслѣдованія. Если я говорю здѣсь Я, то это вовсе не въ томъ смыслѣ, что такая точка зрѣнія принадлежитъ исключительно и первому мнѣ: она слишкомъ естественна, чтобы не быть формулированою прежде; она даже выражена въ формулѣ Латама, она подразумевается у другихъ вышеприведенныхъ авторовъ, но у нихъ она, вслѣдствіе иныхъ соображеній, отошла на второй планъ. Мнѣ принадлежитъ только то, что при обдумываніи плана антропологическихъ работъ я именно ее взялъ себѣ за руководную и, притомъ, по слѣдующимъ причинамъ.

Человѣкъ и его племена могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія естественно исторической и обще исторической (подразумѣвая подъ послѣдней и лингвистическую, и бытовую); классифицировать племена можно тоже основываясь на данныхъ той или другой области знанія, и классификаціи съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія не будутъ тождественны, будутъ имѣть каждая свое особое значеніе и поведутъ къ различнымъ даннымъ. Полное пониманіе и знаніе племени, или вообще племени, возможно будетъ только тогда, когда каждая изъ наукъ выполнить приходящуюся на ея долю задачу. До настоящаго времени наука о челоѣчкѣ была еще въ младенчествѣ относительно своей естественно-исторической стороны; у нея не было ни твердыхъ основаній для классификаціи, ни установившихся методовъ для изслѣдованія. Поэтому и естествоиспытатели принимали за основу дѣленіе лингвистическое, во-первыхъ, какъ единственное серьезное и обработанное, а во вторыхъ, какъ единственно возможное, при имѣвшихся въ наукѣ данныхъ. Но труды Ретціуса, Бэра, Парижскаго антропологическаго общества, и такія сочиненія, какъ сочиненіе Гиса о швейцарскихъ черепахъ, Велькера о германскихъ и другія, оставили глубокій слѣдъ, дали возможность естественно-исторической части установиться прочно, выработать свой методъ, довольствоваться своими данными. Является необходимость серьезной разработки племенъ челоѣческихъ, такъ какъ прежнія имѣвшіяся о нихъ данныя уже не удовлетво-

(*) Anthropologie der Naturvölker, Leipzig 1859 T. I стр. 4—10

ряютъ современному, если не состоянію, то требованію науки. Передъ нашими глазами образовалась естественно историческая наука о человѣкѣ, образовалась въ томъ смыслѣ, что у нея явился свой опредѣленный методъ, свой кругъ дѣйствій, своя исходная точка для классификаціи. Задача въ томъ теперь, чтобы направить многихъ дѣятелей на изученіе этой вновь созданной отрасли, съ каждымъ днемъ получающей все больше точности и опредѣленности, чтобы распространить тотъ методъ, который такъ усовершенствовался въ краниологіи, и на другія стороны естественно-историческаго изученія племенъ. Если до сихъ поръ естественно-историческія свѣденія составляли придатокъ въ этнографическихъ описаніяхъ племенъ, придатокъ не важный, не богатый фактами и выводами, и почти ограничившійся общими обзорными и фактами, то теперь эта группа знаній имѣетъ право претендовать на самостоятельность. Если это такъ, то лучше всего оставить за этою естественно-историческою частию изученія человѣка и племенъ названіе антропологіи, оставивъ для этнографіи ихъ изученіе бытовое, культурное и лингвистическое, составляющее специальность филологовъ и историковъ. Чѣмъ больше развивается и достигаетъ самостоятельности какая либо часть науки, тѣмъ лучше; тѣмъ богаче бываетъ наука, чѣмъ специализація исследованийъ достигаетъ въ ней наибольшаго совершенства. Специализированіе же исследованийъ естественно-историческихъ и культурныхъ, или историческихъ, въ отношеніи племенъ есть дѣло необходимости и единственное условіе успѣха. Слѣдовательно: сущностію самыхъ исследованийъ, современнымъ состояніемъ науки и возможностью ея успѣховъ въ будущемъ—обуславливается раздѣленіе исследованийъ о человѣкѣ и его племенахъ между двумя различными группами знаній, пользующимися различными методами, преслѣдующими различныя цѣли. Явленіе, которое для историка вовсе незначительно, то можетъ имѣть большое значеніе въ глазахъ естествоиспытателя и на оборотъ. Давать въ этомъ случаѣ преобладаніе той или другой точкѣ зрѣнія и исключительно направлять исследова-

нія къ цѣлямъ той или другой области знанія — вредно для знанія вообще. При высказанныхъ выше взглядахъ на антропологію и этнографію оказывается или то, что оба эти названія тождественны, а потому одно изъ нихъ лишнее, или то, что въ изученіи человѣка естественно-историческая сторона должна быть подчинена исторической, или на оборотъ. Притомъ, если признать, что антропологія и этнографіа синонимы, то для естественно-исторической части нужно сочинить новое названіе. Въ жизни человѣка матеріальная сторона подчинена духовной, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы изученіе анатоміи и физиологіи человѣка должно было быть подчиненнымъ психологіи. Успѣхъ въ томъ, чтобы всѣ науки шли, каждая своимъ путемъ, къ возможному для нихъ совершенству и, достигши его, онѣ по необходимости сольются вмѣстѣ тамъ, гдѣ такое слияніе возможно. Тоже должно быть и съ двумя отраслями изученія человѣка и его племенъ: и здѣсь изученіе ихъ съ матеріальной точки зрѣнія должно идти независимо и рядомъ съ изученіемъ ихъ съ гуманныхъ точекъ зрѣнія. Естественно-историческая часть этого изученія можетъ и должна пользоваться данными, добытыми историческою отраслью, и наоборотъ; но это заимствованіе должно быть въ необходимыхъ только случаяхъ и быть явленіемъ случайнымъ въ томъ смыслѣ, что у каждой отрасли должна быть своя цѣль, свое содержаніе, свой методъ.

Итакъ, съ моею точки зрѣнія антропологія не есть наука о человѣкѣ, а этнографіа наука о племенахъ. Какъ та, такъ и другая, исследуютъ и человѣка, и племена; только одна есть наука естественная, другая историческая. Если уже необходимо нужно для въ величественности зданія науки вообще—поставить выше отдѣльныхъ наукъ какую либо науку, суммирующую въ себѣ все добытое о человѣкѣ на всѣхъ путяхъ знанія, то не лучше ли, слѣдуя старинному примѣру назвать такую науку микрокосмосомъ или микровозмомъ, подобно тому какъ Гумбольтъ въ своемъ Космосѣ, наукѣ о вселенной, соединилъ все, что добыто для изученія ея различными отдѣльными науками.

Курганы Московской губерніи подвергались не разъ уже раскопкамъ и исследованію. Раскапывали ихъ, въ особенности подъ Москвою, многіе любители изъ простаго любопытства; раскапывали ихъ и крестьяне, по большей части съ цѣлію искать въ нихъ клады. Но къ счастью, ихъ раскапывали также и специалисты, собравшіе много интереснаго матеріала. Нѣкоторые специалисты, исключительно

археологи, издали описаніе своихъ раскопокъ, другіе, къ сожалѣнію, не сообщили ихъ публикѣ. Изъ изданныхъ раскопокъ мнѣ извѣстны слѣдующія: раскопки гг. Черткова, Нечаева, Иванншева, Гатцука. Считаю самымъ полезнымъ введеніемъ къ моему сочиненію—наложеніе сущности результатовъ предыдущихъ раскопокъ, такъ какъ послѣ обзорныя ихъ для читателя станутъ яснѣе, какъ заслуга

каждаго изъ предшествовавшихъ мнѣ изслѣдователей, такъ и усилятся то немногое новое, что удалось мнѣ внести въ курганографію Московской губерніи.

Раскопки Черткова производились въ 1838 и 1845 годахъ. Описание первой раскопки помѣщено въ «Историческомъ сборникѣ» изданномъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (т. III, стр. 284—292, рисунки 1—18, 1838). Описание второй раскопки, вмѣстѣ съ перепечаткою первой, издано подъ заглавіемъ «Описание найденныхъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ древностей» въ первомъ томѣ, записокъ Санктпетербургскаго Археологическо - Нумизматическаго Общества (т. I, стр. 234—254, таб. XV). Главнѣйшіе факты, полученные г. Черуковымъ слѣдующіе:

а. Раскопка въ 1838 году производилась при семь Верхогрязѣ Звенигородскаго уѣзда, въ 42 верстахъ отъ Москвы, 5 отъ Звенигорода и 1½ в. отъ Москвы рѣки Бурганы, числомъ 16, помѣщены близко одинъ отъ другаго и не представляютъ какого либо правильнаго размѣщенія; 11 изъ нихъ можно назвать большими и 5 малыми. Насыпь кургановъ, состоящая изъ глины, песку и чернозема, была вѣроятно взята въ недалекомъ разстояніи, такъ какъ близъ Москвы рѣки находятся рыи, а около кургановъ видны ямы и углубленія. Древность насыпей, по мнѣнію г. Черткова, доказывается во 1) тѣмъ, что въ курганахъ нѣтъ ни одной желѣзной вещи, а все сплавы мѣди съ какии либо легко плавкими металлами. 2) большіе пни на курганахъ показываютъ, что прошло много времени со времени ихъ насыпки, такъ какъ на нихъ успѣлъ вырасти огромный лѣсъ. 3) У одного остова на большомъ пальцѣ правой ноги находился перстень, а такъ какъ неизвѣстно, чтобы славяне употребляли такое украшеніе на ногахъ, то курганы насыпаны до водворенія въ Московской губерніи славянъ.

Первый раскопанный курганъ имѣлъ видъ остраго конуса, высота его 2 сажени, окружность 16 сажень 1 аршинъ. Насыпь состояла изъ двухъ слоевъ, во 1 изъ сѣровой земли и 2) изъ желтаго песку и глины. На глинистомъ слой найденъ на глубинѣ 3 ар. отъ вершины первый костякъ, лежавшій на лѣвомъ боку и по направленію отъ З. къ В. На немъ найдены слѣдующія вещи: 1) на головѣ витой жгутъ изъ мѣдной толстой проволоки, 2) ожерелье изъ мелкихъ (числомъ 32) бусъ, въ числѣ которыхъ находятся янтарныя. 3) На правой рукѣ, на ¼, ниже плеча, витой браслетъ изъ 4 мѣдныхъ проволокъ. 4) На указательномъ пальцѣ той же руки мѣдный рѣшетчатый перстень. 5) На лѣвой рукѣ близъ кисти витой браслетъ изъ двухъ толстыхъ мѣдныхъ проволокъ; 6) обломокъ мѣдной серьги. Вправо отъ черепа, на разстояніи одного аршина, найденъ довольно большой осколокъ горшка

изъ черной глины и нѣсколько кусковъ угляевъ, которыми вѣроятно онъ былъ наполненъ.—Второй костякъ найденъ былъ на аршинъ глубже и нѣсколько лѣвѣе первого, хотя и въ томъ же положеніи какъ и первый. Кости были большаго размѣра, вещей не было. Очевидно этотъ двужарусный курганъ заключалъ въ себѣ верхній женскій и нижній мужской скелетъ.

Второй курганъ, лежавшій на аршинъ отъ первого къ В., представлялъ продолговатую фигуру, имѣвшую въ окружности 5 сажень и въ высоту 3½ аршина. На аршинъ ниже материка, въ песку, найденъ костякъ въ томъ же положеніи, какъ и два первые въ первомъ курганѣ. Вещи, найденныя здѣсь, были: 1) у лѣвой стороны черепа серьга изъ мѣдной тонкой проволоки и мѣдная подвѣсна, обвитая плоскою проволокою; 2) близъ кисти лѣвой руки мѣдный витой браслетъ въ три толстыя проволоки; 3) на большомъ пальцѣ правой руки мѣдный рѣшетчатый перстень; 4) подлѣ кисти правой руки мѣдный, трехгранный, плетенный изъ 8 тонкихъ проволокъ браслетъ. Скелетъ очевидно женскій.

Третій курганъ, большой, въ окружности 20 сажень, въ высоту 6½ аршинъ. Фигура его подобна усѣченному конусу, поперечникъ верхней плоскости котораго имѣлъ 3 аршина. Первый слой насыпи, весьма тонкій, состоялъ изъ чернозема, остальная часть изъ глины и песку, черешпаннаго съ кремнистыми камнями. По срединѣ кургана, у самаго основанія его, найденъ костякъ, на костяхъ коего видны были сохранившіеся куски темнаго, довольно тонкаго сукна. Изъ вещей найдено: 1) двѣ мѣдныя съ насѣчкою пряжки, вѣроятно съ пояса. 2) 2 небольшихъ куска кожи (отъ пояса) возлѣ лѣваго бока на разстояніи ¼ аршина отъ костей. 3) На большомъ пальцѣ правой ноги витое мѣдное кольцо, покрытое какимъ то темнымъ лакомъ; концы кольца не спаяны, но только сведены вмѣстѣ.

Четвертый курганъ, самый большой, паходился къ В. отъ послѣдняго на разстояніи 9 аршинъ и имѣлъ въ окружности 105 аршинъ; въ вышину, отъ площади земли, 9 аршинъ. Форма его конусообразная; въ насыпи, сравнительно съ предыдущими курганами, замѣчалась большая примѣсь кремнистыхъ частей и бѣловатой глины. Въ этомъ курганѣ найдено три костяка. Костякъ 1 найденъ на глубинѣ 1½ аршинъ, на немъ не было никакихъ вещей, кромѣ нѣсколькихъ лоскутковъ иставшаго сукна. На 1¼ аршина глубже найденъ костякъ 2, кости котораго сохранились очень хорошо. На немъ найдено: 1) на черепѣ металлическій отломокъ (?) съ насѣчкою; 2) серьга, по три бляхи съ каждой стороны, мѣдная, чеканенная; 3) около шеи жгутъ мѣдный, свитой изъ трехъ проволокъ; 4) близъ кисти лѣвой руки витой изъ мѣдной проволоки браслетъ. 5) На указательномъ пальцѣ

правой руки 2 мѣдныхъ кольца и одинъ на мизинцѣ. 6) На большомъ пальцѣ лѣвой руки перстень; 7) около бедерныхъ частей найдены бубенчики, вѣроятно служившія украшеніемъ пояса. 8) Близъ головы остова найденъ разбитый горшокъ изъ черной глины и вокругъ него уголья. — *Костякъ* 3 найденъ еще на аршинѣ глубже: и при немъ, 1) 2 мѣдныхъ серьги, по одной съ каждой стороны; 2) около шеи мѣдный жгутъ изъ проволоки; 3) около шеи, подъ жгутомъ, ожерелье изъ 5 продолговатыхъ сердоликовъ и шести продолговатыхъ кварцевыхъ шариковъ. 4) Близъ плеча правой руки браслетъ мѣдный, плетеный изъ 4 витыхъ проволокъ; 5) Близъ плеча лѣвой руки тоже мѣдный браслетъ, вѣтой изъ 3 проволокъ; 6) на правой рукѣ близъ кисти мѣдный съ насѣчкою браслетъ; 7) близъ кисти лѣвой руки тоже мѣдный браслетъ. 8) На указательномъ пальцѣ правой руки перстень и кольца, на среднемъ пальцѣ перстень и на мизинцѣ кольцо. 9) На большомъ пальцѣ лѣвой руки перстень, а на мизинцѣ два кольца.

Раскопка 1845 года происходила въ томъ же селѣ и было разрыто еще 7 кургановъ.

Пятый курганъ имѣлъ въ окружности 54 аршина и въ высоту 3 аршина. Почва земли, на которой расположены курганы черноземъ, а самые курганы состоятъ: верхняя часть изъ песку, средняя изъ песку съ примѣсью желтоватой глины, а нижняя изъ темножелтой глины съ сѣрватою землею. На поверхности кургана росли дубы лѣтъ 30, а на протяженіи всей одной стороны замѣчалась яма глубиною въ $\frac{3}{4}$ аршина. При вскрытіи этого кургана на $\frac{3}{4}$ аршина найдены 2 металлическія вещицы. На $1\frac{1}{4}$ глубже найденъ полуистлѣвшій остовъ съ довольно сохранившагося черепомъ. Изъ вещей найдено: 1) ожерелье изъ круглыхъ шариковъ горнаго хрустала и изъ почти осьмиугольной продолговатой формы красножелтыхъ сердоликовъ; 2) мѣдный крестикъ; 3) на рукахъ 2 мѣдныхъ браслета; 4) на шеѣ вѣтой мѣдный жгутъ. 5) На среднемъ пальцѣ правой руки три кольца и на прочихъ по одному; 6) ниже реберъ куски истлѣвшаго ремня, и на одномъ кускѣ кольцо, а немного ниже этого пояса бубенчики. 7) Костякъ весь усыпанъ угольями различной величины.

Шестой курганъ имѣлъ въ окружности 105 аршинъ. Остовъ найденъ на глубинѣ 5—6 аршинъ въ особенно замѣчательномъ положеніи. Онъ не лежалъ какъ прочіе; всѣ кости находились въ безпорядкѣ около черепа, нѣкоторыя на разстояніи полуаршина отъ него. Чертковъ думаетъ, что положеніе костей легко объясняется, если предположить, что покойникъ былъ погребенъ сидящимъ на стулѣ. «До тѣхъ поръ пока стулъ не истлѣлъ, тѣло находилось въ вертикальномъ положеніи, но при разрушеніи сѣдалища всѣ кости неминуемо должны были упасть въ то отверстіе, которое прежде было наполнено этимъ стуломъ и еще не-

разрушеннымъ тѣломъ усопшаго. Такимъ образомъ всѣ кости и позвонки очутились вокругъ черепа, а земля въ продолженіи вѣковъ осѣла и совершенно наполнила прежнюю пустоту. Вещей ни какихъ не найдено». — Въ томъ же курганѣ, на полъ аршина вправо, найденъ былъ другой костякъ въ обыкновенномъ положеніи и длиною въ 2 ар. съ $\frac{1}{4}$. При немъ слѣдующія вещи: 1) подлѣ ушей серьги, и у каждой по 3 подвѣски. 2) Часть бѣлокурыхъ волосъ; 3) ожерелье изъ стекловидныхъ бусинокъ. 4) Вѣтой жгутъ на шеѣ; 5) на обѣихъ рукахъ, между плечомъ и кистью, по мѣдному браслету. 6) Нѣсколько мѣдныхъ колецъ на пальцахъ обѣихъ рукъ.

Изъ остальныхъ разрытыхъ пяти кургановъ въ каждомъ найдено по одному остоу, лежавшему безъ всякихъ вещей въ направленіи отъ З. къ В. Хотя Чертковъ по отсутствію оружія и предполагаетъ, что это женскіе костяки, но всего вѣроятнѣе, что то были мужскіе костяки, такъ какъ они только встрѣчаются въ московскихъ курганахъ почти исключительно безъ всякихъ украшеній. «Странно, говоритъ далѣе Чертковъ, что нѣкоторые изъ остоновъ найдены не въ томъ правильномъ и спокойномъ положеніи, которое обыкновенно изобличаетъ людей прежде усопшихъ и потомъ уже положенныхъ въ могилу. Такъ напримѣръ: одинъ остовъ имѣлъ колѣни и самый тазъ нѣсколько поднятими вверхъ въ отношеніи къ прочимъ частямъ костяка. Другой найденъ повернутымъ на правый бокъ такъ, что и самая спинная кость уже находилась на верху, а не внизу остова. У одного лѣвая нога была вытянута прямо, а правая согнута и между пятками обѣихъ ногъ было разстояніе на цѣлый аршинъ. Все это не ведетъ ли къ заключенію, что найденные остоны принадлежали женщинамъ, засыпаннымъ живыми въ этихъ могильныхъ курганахъ? Должно еще прибавить, что всѣ собранные мною черепа имѣютъ полное, въ обѣихъ челюстяхъ, количество зубовъ, и въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного подвергшагося гніенію. Это уже несомнѣнное доказательство, что всѣ эти женщины были въ цвѣтѣ лѣтъ, и между ними не было ни одной достигшей того возраста, когда зубы начинаютъ портиться».

Черепъ отъ этихъ раскопокъ отправленъ въ Академію Наукъ. Свою статью о раскопкахъ Чертковъ оканчиваетъ вопросомъ: «какой народъ насыпалъ эти могильные курганы?» Отвѣчая на это, Чертковъ прежде всего старается доказать, что народъ этотъ былъ не Финскаго племени. «Всѣ Финскія племена, даже жившія по Балтійскому морю и имѣвшія сношенія съ просвѣщеннѣйшими народами, никогда не выходили изъ полудикаго состоянія. Они едва существовали, влача бѣдную жизнь среди лѣсовъ и болотъ, и всегда принадлежали другимъ сильнѣйшимъ и болѣе ихъ образованнымъ народамъ: на Сѣверѣ Шведамъ и Нѣмцамъ, а у насъ платили дань Руссамъ. Мы не можемъ имѣть въ виду